

УДК 008:316.77

DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-1

Трищенко Д. А. | Социализация ботов в социальной сети «ВКонтакте»

Финансовый университет при правительстве Российской Федерации,
Краснопресненская наб., д. 2, Москва, 103274, Российская Федерация;
trishchenkoda@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что массовое присутствие социальных ботов в публичных дискуссиях нарушает цифровую культурно-коммуникативную среду, подрывает доверие к сетевым обсуждениям и искажает отражение реальных общественных настроений. Пользователи социальных сетей, включая российскую платформу «ВКонтакте», с трудом идентифицируют автоматизированные аккаунты и нередко вступают с ними в диалог, как с живыми собеседниками. Проявляется противоречие между рациональной констатацией программной природы бота и перформативным признанием за ним субъектности, что требует специального культурологического анализа речевых практик обвинения в «ботстве». Ситуация осложняется тем, что в социальной сети присутствуют аккаунты реальных людей, которые функционально не отличаются от тех, в управлении которыми используются нейросети. Новизна подхода состоит в комплексном культурологическом, семиотическом и эмпирическом анализе феномена, который ранее изучался преимущественно техническими или социологическими методами. В исследовании впервые анализируются речевые практики взаимодействия реальных пользователей с ботами в социальной сети «ВКонтакте». Результаты исследования показали, что пользователи слабо распознают ботов, а при идентификации отвечают эмоционально, антропоморфизируя ботов. В отличие от зарубежных соцсетей, в «ВКонтакте» термин «бот» почти не используется как оскорбление реальных людей.

Ключевые слова: социальные боты; социализация ботов; речевые практики; фейковые аккаунты; цифровая культура; астротурфинг; интернет-СМИ

Для цитирования: Трищенко, Д. А. (2026), «Социализация ботов в социальной сети «ВКонтакте»», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(3), 124-134. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-1

D. A. Trishchenko | Socialization of bots in the VKontakte social network

Financial University under the Government of the Russian Federation,
2 Krasnopresnenskaya Emb., Moscow, 103274, Russian Federation; *trishchenkoda@yandex.ru*

Abstract. The migration of public communications to the internet and the development of artificial intelligence have created favorable conditions for manipulating public opinion. Currently, the massive presence of social bots in public discussions disrupts the digital cultural-communicative environment, undermines trust in online discussions, and distorts the reflection of real public sentiments. This phenomenon poses a significant challenge to democratic discourse and informed citizenship. Users of social networks,

including the Russian platform VKontakte, struggle to identify automated accounts and often engage with them in dialogue as if they were live interlocutors. A contradiction emerges between the rational recognition of a bot's programmatic nature and the performative attribution of subjectivity to it, a tension that remains largely unnoticed by ordinary users, which calls for a specific cultural analysis of speech practices of accusing others of being a "bot". The situation is complicated by the fact that the social network contains accounts of real people who are functionally indistinguishable from those managed by neural networks. The novelty lies in a comprehensive cultural, semiotic, and empirical analysis of a phenomenon that has previously been studied primarily through technical or sociological methods. This study is the first to analyze the speech practices of real users interacting with bots in the social network VKontakte. The results of the study show that users poorly recognize bots, and when they do identify them, they respond emotionally, anthropomorphizing the bots. Unlike in foreign social networks, within VKontakte the term "bot" is almost never used as an insult against real people.

Keywords: social bots; bot socialization; speech practices; fake accounts; digital culture, astroturfing; online media

For citation: Trishchenko, D. A. (2026), "Socialization of bots in the VKontakte social network", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(3), 124-134. DOI: 10.18413/2408-932X-2026-12-3-1-1

Введение

Активное развитие цифровой коммуникации упростило использование инструментов манипуляции, а социальная адаптация отстает от темпов развития технологий. Одним из результатов является то, что сетевое пространство публичной коммуникации заполнили боты, которые активно используются в целях влияния на общественное мнение, на ход и результаты избирательных кампаний. Увеличение количества социальных ботов в соцсетях порождает ряд культурологических проблем, связанных с изменением характера коммуникации, восприятия реальности и социальных норм. Боты могут распространять дезинформацию, фейковые новости и манипулятивный контент; боты могут создавать иллюзию активности, популярности или общественного мнения, которое на самом деле не отражает реальных настроений людей, могут усиливать существующие предубеждения и стереотипы, целенаправленно распространяя контент, который провоцирует конфликты и усиливает социальные расколы. Боты, участвующие в астротурфинге, нарушают принципы честности и прозрачности в общественных дискуссиях. Это искажает представление о социальной реальности и может влиять на самовосприятие индивидов, которые начинают ориентироваться на искусственно созданные тренды или мнения. Это путь к деградации культуры гражданской ответственности и уважения к разнообразию мнений.

Проблема приобретает еще большую актуальность в условиях концентрации аудитории на немногих социальных сетях, что создает наиболее удобную среду для манипуляций. Совершенствование нейросетей делает боты менее доступными для обнаружения, и это тоже усугубляет проблему. Реальный пользователь не может достоверно знать, является ли его собеседник человеком или ботом. С другой стороны, возможна трансформация самого акта обвинения: фраза «ты бот» может быть как дескриптивным суждением (констатацией факта), так и перформативом, и тот, кто использует эти слова, символически исключает собеседника из сообщества «настоящих людей». Таким образом, сообщения реальных пользователей о ботах – это не только отражение технической реальности, но и самостоятельная культурная практика, требующая анализа ее внутренних закономерностей.

Объектом исследования выступают для нас комментарии реальных пользователей под публикациями в сообществах российских СМИ и популярных пабликах соцсети «ВКонтакте».

Предметом исследования является реакция пользователей на ботов, а именно, речевые практики идентификации бота, включая лексико-семантические маркеры, которыми пользователи обозначают предполагаемого бота, риторические стратегии обвинения, перформативные акты исключения.

Цель исследования – выявить и аналитически описать речевые практики взаимодействия реальных пользователей сети «ВКонтакте» с предполагаемыми ботами, рассматривая эти практики как феномен современной цифровой культуры.

Обзор литературы

Объектом научного интереса социальные боты стали сравнительно недавно, около полутора десятков лет назад. Примерно в это время в научный дискурс вошло понятие «астротурфинг»: «political astroturf – campaigns disguised as spontaneous, popular “grassroots” behavior that are in reality carried out by a single person or organization» (Ratkiewicz et al., 2010).

Проблематика социальных ботов чаще исследуется с точки зрения социологии, информационной безопасности, или создания математических моделей по выявлению ботов. Во многих исследованиях (Ellaky et al., 2023; Ng & Carley, 2025; Rodič, 2025; Василькова и Легостаева, 2019) содержится обзор научной литературы, посвященной классификации и методикам выявления ботов в социальных сетях. Наиболее точно рамкам нашего исследования отвечает такая категория, как *social manipulation bots*, цель которых – формировать общественный дискурс или социальное поведение. В одном из исследований приводится информация о том, что люди могут точно идентифицировать взаимодействие с ботами только в 42 % случаев (Lopez-Joya et al., 2025). В то же время авторы указывают, что, выбирая методики и базы автоматизированного выявления ботов, они остановились на той, чья максимальная точность определения ботов составляет 87 %.

В другой обзорной статье, в которой проведен анализ научных публикаций в области обнаружения социальных ботов с 2008 по 2022 г., отмечается, что в зависимости от применяемых методик, доля выявляемых ботов близка к 100 % и даже достигает этого показателя (Ellaky et al., 2023). Правда, преимущественно речь шла о сети Twitter, и в выводах авторы указывают, что использование искусственного интеллекта стало существенно затруднять этот процесс. Для характеристики ботов на базе искусственного интеллекта ученые из Китая и Японии уже предложили использовать термин «плюрипотентность», который, на их взгляд, хорошо передает способность ботов к развитию и адаптации в сетевом сообществе (Xu et al., 2024).

Методики выявления ботов развиваются и совершенствуются, появляются новые, их эффективность то снижается, то повышается, вновь приближаясь к максимуму (например, 94 % как утверждают P. K. Shukla и его соавторы (Shukla et al., 2025)). Битва нейросетей – это современный аналог соревнования снаряда и брони, и стопроцентный результат здесь вряд ли возможен.

Еще одна проблема кроется в терминологии. Под ботом чаще понимают именно компьютерную программу, выполняющую задачи автоматически: «an automated account that carries out a series of mechanics on social media platforms, for content creation, distribution, and collection and processing, and/or for relationship formation and dissolutions» (Li, Vásárhelyi, & Vedres, 2024). Однако такое значение – преимущественно техническое, оно чаще характерно для тех, кого интересует технологическая сторона вопроса. Сохраняется оно и в социологическом дискурсе, в частности, в исследованиях коммуникации человека и программы (Панкратова, 2022: 53–58).

В научном дискурсе специалистов в области информационных технологий заметна эволюция: «ранее под ботами понимали такие аккаунты социальных сетей, которые действуют исключительно автоматически», а сегодня «боты определяются как аккаунты социальных медиа, которые используют для социоинженерных атак» (Чечулин и Коломеец, 2024: 95). То есть бот – это не обязательно программа, или не только программа, поскольку «реальные и суррогатные пользователи по коммуникативному поведению трудноразличимы» (Василькова, Легостаева и Радушевский, 2019: 202–245).

Впрочем, в научной литературе можно встретить и достаточно нейтральный термин «ботоподобные аккаунты» (bot-like accounts) (Hagen et al., 2022), и такой операциональный, как «живые» боты (Kolomeets et al., 2024). Терминологическая проблема в ближайшее время сохранится, по крайней мере, в силу отмеченной сложности идентификации аккаунта в социальных сетях, и не потеряет актуальность вопрос о том, кто или что является ботом («questions about who or what is considered a bot») (Carlson, Burgess, & Kasianenko, 2025), как в культурологическом, так и в социально-психологическом, и в правовом аспектах.

Идентификационные признаки бота описаны достаточно хорошо, причем имеют уже свою историю исследований (Алымов, Баранюк и Смирнова, 2016): закрытый аккаунт, отсутствие или малое (чаще всего не больше двух) количество фотографий, большое количество подписок – десятки, а то и сотни – на паблики новостных СМИ (Ионова и Махаева, 2024; Lopez-Joya et al., 2025). Первичные признаки, по которым обычный пользователь начинает предполагать фальшь, – это тексты комментариев, которые оставляют боты. Наличие ошибок и опечаток, которые некоторые AI-модели все еще продолжают рассматривать как признак «человечности», уже не стоит принимать за таковой, поскольку ошибки могут эффективно генерироваться.

Другая проблематика научных исследований – вопрос о «вредоносности» ботов. Если присутствие таких, которые опознаваемы пользователями, может быть оправдано и даже признано желательным (Carlson et al., 2025), то не идентифицируемые пользователями социальные/политические боты чаще расцениваются как вредоносные: «вредоносные боты стремятся выдавать себя за реально существующих людей, так как доверие пользователя является одним из элементов успешности проведения атаки» (Коломеец и Чечулин, 2023: 96) Их деятельность трактуется как «способ вмешательства... в межличностную сетевую коммуникацию» (Панкратова, 2022: 55), в результате которого «за сообщения, исходящие от низовых инициатив и реальных пользователей, выдается размещенная на страницах интернет-ресурсов имитация общественных высказываний» (Новицкая, 2025: 154). Такие «фальшивые аккаунты опасны, поскольку они могут влиять... на экономику, политику и общество в целом» (Lee et al., 2024). Одним из результатов является снижение «уровня доверия в медиaprостранстве» (Новицкая, 2025: 154). Роль вредоносных ботов значительна, их использование «непропорционально повышает интерес цифровой аудитории не только к теме, представляющей интерес для манипулятора (например, к политическим новостям), но и к конкретным аспектам этой темы» (Cresci et al., 2015: 56). Очень часто «боты стремятся быть первыми комментаторами, задавая начальный тон обсуждения», что «может существенно повлиять на последующих агентов, склоняя их к тому же мнению» (Губанов и Чхартишвили, 2024: 109–128).

Достаточно противоречивым является понимание вопроса о субъектности ботов: от признания (Панкратова, 2022: 55) до отрицания (Докучаев, 2024: 6–16). В исследованиях можно найти и явную антропоморфизацию ботов-программ, когда их рассматривают как действующих субъектов, наделенных целеполаганием и этической направленностью (Carlson et al., 2025) (Laaksonen et al., 2023).

Исследователи также отмечают, что слово «бот» в социальных сетях приобрело характер ругательства, обвинения в «ботстве» применяются не только к действительно

автоматизированным аккаунтам, но и к возможным «человеческим», с намерением их дегуманизировать и оскорбить, поставить под сомнение их интеллект и лишить права на выражение своего мнения» (Assenmacher, Fröhling, & Wagner, 2024).

Таким образом, боты, несмотря на сохраняющуюся размытость и полисемию термина, заняли свое определенное место в культурно-коммуникативном пространстве и речевых практиках людей.

База исследования

Исследованы новостные сообщения и комментарии к ним в социальной сети «ВКонтакте», всего 30 публикаций, сделанных в период с 01.04.2026 по 13.04.2026. Последние комментарии датированы 16.04.2026. Выборка случайная, в нее отобраны паблики как федеральных СМИ – «Газета.ru»¹, «РИА Новости»², «Российская газета»³, «Коммерсантъ»⁴, «LIFE.ru»⁵, «Комсомольская правда»⁶, «Лента.ру»⁷, «Новости RT на русском»⁸, «PostNews»⁹, так и региональные паблики – «Е1.РУ Екатеринбург. Онлайн. Новости»¹⁰, «Подслушано. Самара»¹¹, «Инцидент Барнаул»¹², «Регион-70 Томск»¹³, «Регион 78 Санкт-Петербург»¹⁴, «Владивосток»¹⁵, «Подслушано в Салехарде»¹⁶, «Набережные Челны Life»¹⁷, «Подслушано Железногорск»¹⁸, а также специализированные паблики по интересам – «IT News»¹⁹ и «Лепрозорий»²⁰. Тематика – внутриполитическая, в том числе блокировки интернета и Telegram. Во всех 30 публикациях присутствуют комментарии ботов, всего 2429 комментариев, в том числе сделанных ботами – 752 (30,1 %). В 20 публикациях из 30 есть, в той или иной форме, указания пользователей на наличие ботов.

Боты получили 236 откликов на комментарии, и среди них 57 упоминаний «ботства». Не учитывались реакции (лайки), так как они могли быть сделаны ботами.

Методология исследования

Для первоначальной идентификации ботов использовался сервис «Ботнадзор»²¹. Необходимо указать на преимущества и ограничения этого сервиса. Выявление ботов строится на анализе нескольких показателей: количества комментариев от аккаунта, подписок на сообщества, времени активности и иной информации об аккаунте, то есть ряда формальных признаков. Некоторые аккаунты, помеченные сервисом как бот, при ручной проверке скорее оказываются реальными пользователями. Оценочно доля этих ошибок не так уж велика, не превышает 2-3 %. Но в соответствии с классификацией сервиса метку «автоматизированный»

¹ <https://vk.com/gazeta>

² <https://vk.com/ria>

³ <https://vk.com/rgru>

⁴ <https://vk.com/kommersant>

⁵ <https://vk.com/life>

⁶ <https://vk.com/kpru>

⁷ <https://vk.com/lentaru>

⁸ https://vk.com/rt_russian

⁹ <https://vk.com/postnews>

¹⁰ <https://vk.com/e1news>

¹¹ <https://vk.com/overstory163>

¹² <https://vk.com/incident22>

¹³ <https://vk.com/tomsk123>

¹⁴ <https://vk.com/regio78>

¹⁵ https://vk.com/vladivostok_group_25

¹⁶ https://vk.com/salekhard_vk

¹⁷ <https://vk.com/chelny.life>

¹⁸ <https://vk.com/zhelezzka46>

¹⁹ https://vk.com/it_today_ru

²⁰ <https://vk.com/leprazo>

²¹ <https://botnadzor.org>

(то есть, явно программа) получают не все выявленные боты. Новые, недавно зарегистрированные аккаунты, которые имеют все признаки бота, могут быть еще не проверены сервисом и не иметь пометки «бот». Определение их доли/количества не входило в задачи исследования.

Еще раз подчеркнем: «бот» в нашем исследовании – это аккаунт, чья коммуникативная активность проявляется исключительно в поддержке определенного нарратива в социальной сети.

Результаты и обсуждение

Итак, пользователи оставили в комментариях 57 упоминаний различной формы о «ботстве», это около 7,6 % от общего количества комментариев.

Боты получили 216 ответов на свои комментарии, в том числе 34 – от других ботов, их мы исключаем из общего количества. Из оставшихся 182 – 145 (79,7 %) комментаторов воспринимают их как людей, а 37 (20,3 %) идентифицировали в них ботов. То есть четыре пятых пользователей, вступивших в диалог, рассматривали их как реальных пользователей.

Комментарии с упоминанием ботов были разделены на три группы (таблица).

Таблица

Типология реакций с упоминанием ботов в социальной сети «ВКонтакте»

Table

Typology of reactions mentioning bots on the social network VKontakte

Тип реакции, адресация / Type of reaction, addressing	Примеры / Examples	Количество и доля (в %) / Quantity and share (in %)
Администратору или другим пользователям / To the administrator or other users	Я зашёл чисто ботяр почитать) Ничего себе тут ботов налетело... Админ, почистите ботов пжл, самому то не надоело.	20 (35,1)
Боту, безэмоционально ²² / To the bot, emotionlessly	бот бот + информация «Ботнадзора» спасибо, бот	10 (17,5)
Боту, эмоционально / To the bot, emotionally	ботяра защекалка ты ботонечисть У вас у ботов все честно? А кто врет за деньги?	27 (47,4)
Всего		57 (100)

Эти цифры дают примерное соотношение разных категорий пользователей, типологизируемых по отношению к ботам. Среди тех, кто отвечает ботам, указывая, что они боты (37 пользователей), почти две трети, тем не менее, дают в комментариях эмоциональную оценку. Отметим, что у нас нет оснований утверждать, что в понятие «бот» пользователи вкладывают одно и то же содержание (собственно, как и исследователи, что отмечалось ранее). Обратимся к качественному анализу высказываний²³.

«Али, ботяра твоя безответственность это врать». «У вас у ботов все честно? А кто врет за деньги?». Без очеловечивания эти фразы бессмысленны. Боту не задают вопросов. Боту отвечают, как человеку, которого можно уличить во лжи или наивности. Аккаунты

²² Хотя данного рода комментариев формально отвечает боту, но он адресован и другим пользователям, указывая на присутствие бота.

²³ Орфография и пунктуация оригиналов сохранена.

воспринимают как аккаунты живых людей, которым заплатили. «Безответственность», «врать» – это свойства человеческого разума, атрибуты человеческого субъекта. Этот кто-то должен: иметь намерения (лгать с какой-то целью), уметь различать правду и ложь, обладать свободой выбора (быть ответственным). Суффикс -яр имеет экспрессивный окрас. Он добавляет эмоциональность, иронию, фамильярность и является признаком разговорного стиля. Обвиняя бота в безответственности, автор перформативно признает в нем человека.

«Отвечаю боту, дожили) А кто виноват, что на нас сотни дронов летят?)) Телеграм или вотсап?)))))». В данном случае эмоциональность передана глаголом «дожили», выражающим горькую усмешку, и смайликами.

«Мерзость вызываете, ползаете у нас ВКонтакте, пытаетесь тут суету навести, своей тупой писаниной ботов. Не заметили, что не получается? Не задумывались почему? Всё просто, умственные способности иметь нужно». «Ползать» – предикат животных (змей, насекомых). Но здесь он адресован тому, кто пишет тексты. Животные не пишут. Значит, автор накладывает две рамки: животное (низкое, отвратительное, «мерзость») и человеческое (способность писать, суетиться, врать). Этот гибрид – человек-животное – классическая семиотическая фигура оскорбления еще со времен античной инвективы («ты свинья, ты собака»). Но свинья или собака – это все же живые существа, а не программы. Очеловечивание идет через низведение до животного, но не до программы. Автор требует от бота способности к рефлексии («задуматься»), замечать свои ошибки и иметь умственные способности. Требуя этого, он одновременно говорит, что у бота этого нет. Но само требование обращено к сознанию, которого, по утверждению автора, нет.

Бота ругают – значит, признают, что он мог бы иметь умственные способности, но «не имеет» (по версии автора). А мог бы – значит, почти человек. И ругань бессмысленна.

«Антон, сунь себе в xxx эту безопасность, бот». Оскорбление в данном случае полностью антропоморфное.

Это напоминает семиотику жертвоприношения: жертва должна быть достаточно человеческой, чтобы ее смерть имела смысл, и достаточно не-человеческой, чтобы ее убийство не было убийством. То же самое с «ботом». Его очеловечивают, чтобы иметь право его ненавидеть (ненавидеть можно только того, кто способен на зло). Его дегуманизируют, чтобы иметь право его уничтожить без моральных издержек.

Семиотический механизм: гипостазирование – абстрактному явлению (бот-программа) придают свойства живого существа, чтобы над ним можно было надругаться по-человечески.

«Ян, Кто вас генерирует? Ау-у-у, почему в России такие тупые боты? Тупой бот это позор стране, позор правящей партии». Вопрос «кто вас генерирует?», скорее, риторический, он содержит низкую оценку не бота-аккаунта, а того, кто за ним стоит. «Ау-у-у» – это имитация голоса, зова в пустоте. В данном контексте это как раз поиск создателя бота. Последнее предложение – это обращение автора комментария к «ботоводу» и указание на плохо разработанную программу, неумение использовать искусственный интеллект или слабость используемой модели ИИ, негативная оценка. Ведь сам бот не может быть тупым.

На указанное количество комментариев с обвинением в «ботстве» нашлось два ответа со стороны тех, кого называли ботами и, судя не только по диалогу, но и по наполненности аккаунта, это действительно живые люди. В остальных случаях ответной реакции не последовало. По абсолютному большинству признаков эти аккаунты не имеют признаков субъектности. Собственно, вне зависимости от того, стоит ли за аккаунтом живой человек или программа, обращение к совести и тому подобное не имеет смысла: бот-человек тоже выполняет лишь определенную функцию, это его работа.

Онлайн-интервью с пользователями сети «ВКонтакте», которые в комментариях использовали термин «бот», дали возможность сформировать представление об их восприятии ботов. Речь не идет о количественных данных, о статистике, по причине, которая частично

описывалась выше: не все являются пользователями «ВКонтакте», еще меньшее количество людей активно интересуется определенной тематикой, еще меньшее количество считает ботов проблемой и так далее. Респонденты указывали, что боты – это те аккаунты, которые продвигают определенную повестку, что отличить программу от человека очень трудно или невозможно, поэтому это либо автоматизированные аккаунты, либо аккаунтами (одним или одновременно несколькими) управляет человек, которому платят, «но смысл их деятельности один – искусственные комментарии». Но примечательно то, что даже те респонденты, которые в своих ответах считали их ботами-программами, в комментариях в «ВК», в ответах ботам в той или иной степени их антропоморфизировали.

Выводы

Комментарии, сделанные от имени фейковых аккаунтов по актуальной внутриполитической тематике, превышают 30 % общего количества. Это свидетельствует о системном характере феномена: боты превратились в заметный элемент цифровой коммуникации, способный искусственно формировать повестку, создавать ложное ощущение консенсуса и подавлять живую дискуссию. Такое насыщение автоматизированными аккаунтами нарушает культурно-коммуникативную среду, подрывает доверие к публичным обсуждениям и затрудняет для обычных пользователей возможность различать подлинные общественные настроения и сфабрикованные. Пользователи социальной сети «ВКонтакте», на момент проведения исследования, слабо идентифицируют ботов, часто вступают с ними в диалог, не получая ответов. Большинство не способны отличить автоматизированный аккаунт от живого собеседника. Данный факт согласуется с данными зарубежных исследований (максимальная точность распознавания около 42 %) и указывает на уязвимость современной аудитории перед методами скрытого манипулирования.

Наиболее значимым результатом работы является выявленное противоречие: даже те пользователи, которые уверены, что общаются с ботом, в большинстве случаев дают эмоциональные ответы, адресованные живому человеку. В комментариях используются оскорбления, риторические вопросы, требования рефлексии и даже приписывание моральных качеств. Семиотический анализ показывает, что пользователи гипостазируют бота, наделяют программу свойствами одушевленного существа, человеческого субъекта. При этом бота одновременно дегуманизируют (сравнивают с животными), чтобы оправдать агрессию без моральных издержек. Онлайн-интервью с пользователями подтвердили этот разрыв: даже те, кто в рациональном объяснении считает ботов программами, в реальной коммуникации ведут себя так, будто общаются с живым человеком. Этот двойной механизм свидетельствует о глубокой культурной неопределенности статуса бота в цифровом общении. Даже при большой доле уверенности пользователя в том, что комментарий оставлен ботом, часто следует эмоциональный ответ, адресованный живому человеку.

Обвинения в «ботстве» реальных пользователей достаточно редки. Вопреки данным зарубежных исследований, где обвинение в «ботстве» превратилось в универсальный ярлык для дискредитации оппонентов и оскорбления реальных людей, в российской социальной сети «ВКонтакте» этот термин практически не приобрел таких коннотаций, не является ярлыком для дискредитации. Большинство участников используют слово «бот» в его прямом, техническом значении, для указания на автоматизированный или проплаченный аккаунт. Это может объясняться как меньшей политической поляризацией аудитории данной платформы, так и более поздним освоением практики обвинений в «ботстве» или спецификой модерации сообществ.

Таким образом, массовое присутствие ботов в «ВКонтакте» приводит не столько к успешной маскировке программ под людей, сколько к формированию у пользователей устойчивого, но внутренне противоречивого паттерна поведения: они не распознают ботов,

а если и распознают, то отвечают им как людям, антропоморфизуя их и тем самым легитимируя их место в коммуникации. Это позволяет говорить о феномене социализации ботов – процессе, при котором автоматизированные аккаунты не просто имитируют человека, но и реально встраиваются в систему социальных взаимодействий, изменяя ее изнутри.

Литература

Алымов, А. С., Баранюк, В. В. и Смирнова, О. С. (2016), «Детектирование бот-программ, имитирующих поведение людей в социальной сети “ВКонтакте”», *International Journal of Open Information Technologies*, 4(8), 55–60.

Василькова, В. В. и Легостаева Н. И. (2019), «Социальные боты в политической коммуникации», *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 19(1), 121–133. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133; EDN: VUHAGU

Василькова, В. В., Легостаева, Н. И. и Радусhevский, В. Б. (2019), «Тематический ландшафт бот-пространства социальной сети “ВКонтакте”», *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(4), 202–245. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.4.8; EDN: PTLFHC

Губанов, Д. А. и Чхартишвили, А. Г. (2024), «Влияние алгоритмов ранжирования, ботов и модерации контента на формирование мнений в социальной сети», *Управление большими системами: сборник трудов*, 112, 109–128. DOI: 10.25728/ubs.2024.112.7; EDN: JVSGVL

Докучаев, И. И. (2024), «Перформативная сущность сетевой культуры и искусства. Опыт типологического анализа», *Международный журнал исследований культуры*, 2, 6–16. DOI: 10.52173/2079-1100_2024_2_6-16; EDN: DCZPYE

Ионова, С. В. и Махаева, Е. В. (2024), «Социально-сетевые боты в естественной коммуникации: проблемы диагностики», *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание*, 23(3), 93–108. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.3.8; EDN: COJWZO

Коломеец, М. В. и Чечулин, А. А. (2023), «Метрики вредоносных социальных ботов», *Труды учебных заведений связи*, 9(1), 94–104. DOI: 10.31854/1813-324X-2023-9-1-94-104; EDN: HEFHFR

Новицкая, Т. Е. (2025), «Искусственный интеллект и модусы медиатизированной социальности», *Общественные и гуманитарные науки. Военная подготовка*, Мат-лы 89-й науч.-технич. конф. профессорско-преподавательского состава, науч. сотр. и аспирантов (с междунар. участием), Изд-во Белорусского гос. технического университета, Минск, 153–156. EDN: GJNQJE

Панкратова, Л. С. (2022), «Культура общественно-политической интернет-дискуссии с использованием ботов», *Теория и практика общественного развития*, 11, 53–58. DOI: 10.24158/tipor.2022.11.7

Чечулин, А. А. и Коломеец, М. В. (2024), «Подход к обнаружению вредоносных ботов в социальной сети ВКонтакте и оценка их параметров», *Труды учебных заведений связи*, 10(2), 92–101. DOI: 10.31854/1813-324X-2024-10-2-92-101; EDN: ZTCHLS

Assenmacher, D., Fröhling, L. & Wagner, C. (2024), “You are a bot! – studying the development of bot accusations on Twitter”, *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, 18(1), 113–125. DOI: 10.1609/icwsm.v18i1.31301

Carlson, D., Burgess, J. & Kasianenko, K. (2025), “The lives and afterlives of community-created bots on Twitter: a minor history”, *Convergence*, 31(6), 2006-2024. DOI: 10.1177/13548565251334087

Cresci, S., Di Pietro, R., Petrocchi, M., Spognardi, A. & Tesconi, M. (2015), “Fame for sale: efficient detection of fake Twitter followers”, *Decision Support Systems*, 80, 56–71. DOI: 10.1016/j.dss.2015.09.003

Ellaky, Z., Benabbou, F. & Ouahabi, S. (2023), “Systematic Literature Review of Social Media Bots Detection Systems”, *Journal of King Saud University – Computer and Information Sciences*, 35(5), 101551. DOI: 10.1016/j.jksuci.2023.04.004

Hagen, L., Neely, S., Keller, T. E., Scharf, R. & Vasquez, F. E. (2022), “Rise of the machines? Examining the influence of social bots on a political discussion network”, *Social Science Computer Review*, 40(2), 264–287. DOI: 10.1177/0894439320908190

Kolomeets, M., Tushkanova, O., Desnitsky, V., Vitkova, L. & Chechulin, A. (2024), “Experimental evaluation: can humans recognise social media bots?”, *Big Data and Cognitive Computing*, 8(3), 24. DOI: 10.3390/bdcc8030024

Laaksonen, S., Laitinen, K., Koivula, M. & Sihvonen, T. (2023), “Triggered by socialbots: communicative anthropomorphization of bots in online conversations”, *Human-Machine Communication*, 6, 135–153. DOI: 10.30658/hmc.6.8

Lee, S., Shin, D., Kwon, K. H., Han, S. P. & Lee, S. K. (2024), “Disinformation spillover: uncovering the ripple effect of bot-assisted fake social engagement on public attention”, *MIS Quarterly*, 48(3), 847–872. DOI: 10.25300/MISQ/2023/17195

Li, L., Vászárhelyi, O. & Vedres, B. (2024), “Social bots spoil activist sentiment without eroding engagement”, *Scientific Reports*, 14, 27005. DOI: 10.1038/s41598-024-74032-0

Lopez-Joya, S., Diaz-Garcia, J. A., Ruiz, M. D. & Martin-Bautista, M. J. (2025), “Dissecting a social bot powered by generative AI: anatomy, new trends and challenges”, *Social Network Analysis and Mining*, 15(1), 1–24. DOI: 10.1007/s13278-025-01410-5

Ng, L. H. X. & Carley, K. M. (2025), “A global comparison of social media bot and human characteristics”, *Scientific Reports*, 15, 10973. DOI: 10.1038/s41598-025-96372-1

Ratkiewicz, J., Conover, M., Meiss, M., Gonçalves, B., Flammini, A. & Menczer, F. (2011), “Detecting and Tracking Political Abuse in Social Media” *Proceedings of the Fifth International Conference on Weblogs and Social Media*, Barcelona, Catalonia, Spain, July 17-21.

Rodič, B. (2025), “Social media bot detection research: review of literature”, *arXiv*, DOI: 10.48550/arXiv.2503.22838

Shukla, P. K., Veerasamy, B. D., Alduaiji, N., Addula, S. R., Pandey, A. & Shukla, P. K. (2025), “Fraudulent account detection in social media using hybrid deep transformer model and hyperparameter optimization”, *Scientific Reports*, 15, 38447. DOI: 10.1038/s41598-025-24326-8

Xu, W., Sasahara, K., Chu, J., Wang, B., Fan, W. & Hu, Z. (2024), “A multidisciplinary framework for deconstructing bots' pluripotency in dualistic antagonism”, *arXiv*. DOI: 10.48550/arXiv.2402.15119.

References

Alymov, A. S., Baranyuk, V. V. and Smirnova, O. S. (2016), “Detection of bot programs imitating human behavior in the social network VKontakte”, *International Journal of Open Information Technologies*, 4(8), 55–60.

Assenmacher, D., Fröhling, L. & Wagner, C. (2024), “You are a bot! – studying the development of bot accusations on Twitter”, *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*, 18(1), 113–125. DOI: 10.1609/icwsm.v18i1.31301

Carlson, D., Burgess, J. & Kasianenko, K. (2025), “The lives and afterlives of community-created bots on Twitter: a minor history”, *Convergence*, 31(6), 2006–2024. DOI: 10.1177/13548565251334087

Chechulin, A. A. and Kolomeets, M. V. (2024), “An approach to detecting malicious bots in the VKontakte social network and assessing their parameters”, *Proceedings of Telecommunication Universities*, 10(2), 92–101 (in Russ.). DOI: 10.31854/1813-324X-2024-10-2-92-101; EDN: ZTCHLS

Cresci, S., Di Pietro, R., Petrocchi, M., Spognardi, A. and Tesconi, M. (2015), “Fame for sale: efficient detection of fake Twitter followers”, *Decision Support Systems*, 80, 56–71. DOI: 10.1016/j.dss.2015.09.003

Dokuchaev, I. I. (2024), “Performative Essence of Network Culture and Art. Experience of Typological Analysis”, *International Journal of Cultural Research*, 2, 6–16 (in Russ.). DOI: 10.52173/2079-1100_2024_2_6-16; EDN: DCZPYE.

Ellaky, Z., Benabbou, F. and Ouahabi, S. (2023), “Systematic Literature Review of Social Media Bots Detection Systems”, *Journal of King Saud University – Computer and Information Sciences*, 35(5), 101551. DOI: 10.1016/j.jksuci.2023.04.004

Gubanov, D. A. and Chkharishvili, A. G. (2024), “The influence of ranking algorithms, bots and content moderation on opinion formation in social networks”, *Large-Scale Systems Control*, 112, 109–128 (in Russ.). DOI: 10.25728/ubs.2024.112.7; EDN: JVSGVL.

Hagen, L., Neely, S., Keller, T. E., Scharf, R. and Vasquez, F. E. (2022), “Rise of the machines? Examining the influence of social bots on a political discussion network”, *Social Science Computer Review*, 40(2), 264–287. DOI: 10.1177/0894439320908190

Ionova, S. V. and Makhaeva, E. V. (2024), “Social network bots in natural communication: problems of diagnostics”, *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 23(3), 93–108 (in Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu.2024.3.8; EDN: COJWZO

Kolomeets, M. and Chechulin, A. A. (2023), "Properties of malicious social bots", *Proceedings of Telecommunication Universities*, 9(1), 94-104 (in Russ.). DOI: 10.31854/1813-324X-2023-9-1-94-104; EDN: HEFHFR

Kolomeets, M., Tushkanova, O., Desnitsky, V., Vitkova, L. & Chechulin, A. (2024), "Experimental evaluation: can humans recognise social media bots?", *Big Data and Cognitive Computing*, 8(3), 24. DOI: 10.3390/bdcc8030024

Laaksonen, S., Laitinen, K., Koivula, M. & Sihvonen, T. (2023), "Triggered by social bots: communicative anthropomorphization of bots in online conversations", *Human-Machine Communication*, 6, 135–153. DOI: 10.30658/hmc.6.8

Lee, S., Shin, D., Kwon, K. H., Han, S. P. & Lee, S. K. (2024), "Disinformation spillover: uncovering the ripple effect of bot-assisted fake social engagement on public attention", *MIS Quarterly*, 48(3), 847–872. DOI: 10.25300/MISQ/2023/17195

Li, L., Vászrhelyi, O. & Vedres, B. (2024), "Social bots spoil activist sentiment without eroding engagement", *Scientific Reports*, 14, 27005. DOI: 10.1038/s41598-024-74032-0

Lopez-Joya, S., Diaz-Garcia, J. A., Ruiz, M. D. & Martin-Bautista, M. J. (2025), "Dissecting a social bot powered by generative AI: anatomy, new trends and challenges", *Social Network Analysis and Mining*, 15(1), 1–24. DOI: 10.1007/s13278-025-01410-5

Ng, L. H. X. & Carley, K. M. (2025), "A global comparison of social media bot and human characteristics", *Scientific Reports*, 15, 10973. DOI: 10.1038/s41598-025-96372-1

Novitskaya, T. E. (2025), "Artificial intelligence and modes of mediatized sociality", *Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki. Voyennaya podgotovka* [Social Sciences and Humanities. Military Training], Proceedings of the 89th Scientific and Technical Conf., Publishing House of the Belarusian State Technical University, Minsk, 153-156 (in Russ.). EDN: GJNQJE

Pankratova, L. S. (2022), "Culture of Socio-political Internet Discussion with the Use of Bots", *Theory and Practice of Social Development*, 11, 53-58 (in Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2022.11.7

Ratkiewicz, J., Conover, M., Meiss, M., Gonçalves, B., Flammini, A. & Menczer, F. (2011), "Detecting and Tracking Political Abuse in Social Media" *Proceedings of the Fifth International Conference on Weblogs and Social Media*, Barcelona, Catalonia, Spain, July 17-21.

Rodič, B. (2025), "Social media bot detection research: review of literature", *arXiv*, DOI: 10.48550/arXiv.2503.22838

Shukla, P. K., Veerasamy, B. D., Alduaiji, N., Addula, S. R., Pandey, A. & Shukla, P. K. (2025), "Fraudulent account detection in social media using hybrid deep transformer model and hyperparameter optimization", *Scientific Reports*, 15, 38447. DOI: 10.1038/s41598-025-24326-8

Vasilkova, V. V. and Legostaeva, N. I. (2019), "Social bots in political communication", *RUDN Journal of Sociology*, 19(1), 121-133 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-1-121-133; EDN: VUHAGU

Vasilkova, V. V., Legostaeva, N. I. and Radushevskiy, V. B. (2019), "Thematic landscape of the bot-space of the social network 'VKontakte'", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 22(4), 202-245 (in Russ.). DOI: 10.31119/jssa.2019.22.4.8; EDN: PTLFHC

Xu, W., Sasahara, K., Chu, J., Wang, B., Fan, W. and Hu, Z. (2024), "A multidisciplinary framework for deconstructing bots' pluripotency in dualistic antagonism", *arXiv*. DOI: 10.48550/arXiv.2402.15119.

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Трищенко Дмитрий Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Краснопресненская наб., д. 2, Москва, 103274, Российская Федерация; trishchenkoda@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Dmitry A. Trishchenko, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, Financial University under the Government of the Russian Federation, 2 Krasnopresnenskaya Emb., Moscow, 103274, Russian Federation; trishchenkoda@yandex.ru